

Равшан Марданов

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В РЕГИОНАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА: ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ

В конце 80-х и начале 90-х гг. резко обострились проблемы межнациональных отношений, что в итоге привело к распаду СССР. Начавшиеся еще тогда конфликты продолжаются и в нынешних постсоветских условиях. Самыми горячими являются армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, русско-чеченский и таджико-таджикский конфликты.

Легче всего сказать, что причины обострения межнациональных отношений заложены в идеологии советского общества. Но это только часть истины. Революционный разрыв с прошлым, несомненно, явился поводом для постановки ряда вопросов межнационального общения, которые уже зрели в скрытом состоянии в течение ряда лет.

В советский период самолюбие народов, беспомощно наблюдавших, как исчезают их неповторимые культурные ценности, как отмирает родной язык, было уязвлено, а национальное достоинство оказалось попраным. Особая ранимость по отношению к несправедливости, настроенность малочисленной нации на то, чтобы почувствовать себя равной в правах с большой нацией, - об этом забывалось в командно-административном усердии. Эти чувства загонялись вовнутрь, накапливая взрывоопасный материал. В результате пессимизм, отрешенность и равнодушие сменились активными действиями по защите национальной индивидуальности.

Полагают, что обострение национальных проблем в бывшем Советском Союзе вызвано нерешенностью многих социальных вопросов. Это верно, но лишь отчасти. Ведь национальные проблемы обострились больше всего как раз в регионах (например, Прибалтике), где социальные вопросы решались значительно лучше, чем в других местах. Просто упомянутое выше чувство ущемленности от пренебрежения к национально-культурным особенностям оказалось более глубоким, чем предполагалось. Оно стало своеобразным дополнением к общему состоянию социальной и нравственной неудовлетворенности, вызванной социалистическим строем.

В Узбекистане, как и в других регионах, пик конфликтов приходится на 1988 - 1991 гг. (1). Начиная с 1992 г., благодаря жесткой линии президента И. А. Каримова, а также в результате разрешения многих противоречий в этноконфессиональных взаимоотношениях происходит стабилизация общественно-политической обстановки в республике. Этому способствовало и принятие новой Конституции Узбекистана (в Узбекистане в одном из первых среди государств СНГ была принята новая Конституция).

В период 1988 - 1991 гг. бурный рост национального самосознания народов являлся закономерным прогрессивным процессом. Однако этот процесс проходил неоднозначно и противоречиво. Успехи и неудачи в этой области во многом связаны с уровнем и характером религиозности. Это на практике проявлялось в том, что этническое самосознание получило форму конфессионального (религиозного) самосознания. Процесс сужения сферы религии, свойственный всему СССР, породил чувство национального "ущемления", ощущения забвения культурного наследия, игнорирования этнических особенностей региона.

На протяжении всей своей истории ислам обладал ярко выраженной способностью освящать религиозным авторитетом отнюдь не одни лишь религиозные представления, политико-правовые нормы и этнокультурные ценности. Еще один из основателей русской востоковедческой школы В.В. Бартольд (1869-1930) подчеркивал то обстоятельство, что "Мухаммед положил начало не

только религии, но и государству" ("Ислам". Пг., 1918). Ислам, таким образом, с момента своего возникновения являлся государственной религией, между тем как христианство, будучи провозглашенным государственной религией, существовало наряду с развитыми политико-правовыми установлениями, которые сложились задолго до его принятия. В христианском мире были разделены царство и священство, осознанно противопоставлены друг другу светское и духовное начала (по Завету: богу - богово, кесарю - кесарево), разграничены законы, установленные людьми (*Lex humana*) и утвержденные Богом (*Lex divina*) (2).

Ислам в течение ряда веков был господствующей идеологией общества. Все стороны жизни людей - от самых интимных семейных отношений до юридических, моральных и культурных - регулировались на основе указаний ислама. Ислам в представлении верующих выражал народные интересы и национальное самосознание. Защитники ислама внедряли в сознание людей представление о том, что религиозная принадлежность является определяющим признаком наций, народов и их национальных обычаев, традиций и культуры. Верность человека исламу во многом считалась признаком верности своему народу, патриотизма, национальной культуры, а малейшее отклонение от его норм - большим грехом, отступничеством. Вполне естественно, что за длительный период господства ислама его предписания, обряды приобрели форму народных, традиционных. С другой стороны, ислам, как одна из синкретических форм религии, был более приемлем для жителей Востока, вбирал в себя различные элементы народных традиций, обычаев и обрядов, тесно переплетался с ними, входил в систему духовной культуры, служил идеологической основой духовной жизни общества.

События 1988-1991 гг. свидетельствовали о том, что в Советском Союзе вышеизложенные особенности ислама не были учтены. В догматизированном варианте ход социалистического строительства увязывался с преодолением религии, которая автоматически объявлялась пережитком прошлого. А все без исключения явления религиозной жизни оценивались с позиций классовой борьбы. Вера в сокрушительную для всего "старого мира" силу революции, в то, что конституционно-правовое закрепление гражданских свобод, в том числе свободы совести, включение трудящихся мусульман в общественно-политическую жизнь и новые сферы трудовой активности в корне сметут старые устои, обернулась недооценкой так называемого "бытового ислама".

Поверхностному взгляду ислам представляется ушедшим в сферу быта и бытовых привычек. Казалось, что все это исключительно результат "феодално-байских пережитков". По мере того как на официальном уровне брали верх догматизированные воззрения на судьбы религии в процессе социалистического строительства, борьба с этими пережитками представлялась делом, не требующим иных мер, кроме "атеистического воспитания", нацеленного на "массовый атеизм" (3).

В арсенале многих партийно-идеологических органов советского государства были указания типа: "принять срочные меры по преодолению религиозных пережитков", "более решительно внедрять в быту новые социалистические традиции, обряды и обычаи", "придать атеистической пропаганде атакующий, наступательный характер". Не сходили со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров такие крикливые ярлыки и заголовки, как "шарлатаны от религии", "реакционная сущность ислама", "осиное гнездо", "религиозная плесень" и т.д.

Надежды на переосмысление отношения государства к религии, религиозным организациям и верующим мусульмане связывали с перестройкой, которая развернулась с апреля 1985 г. В выступлениях на исламских форумах, в проповедях идея перестройки получила полную поддержку достаточно быстро после ее выдвигания и обоснования. "Советские мусульмане, - говорил председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф, - с большим удовлетворением восприняли новые социальные преобразования, происходящие в нашем обществе, - перестройку, демократизацию и гласность. Они видят в них созвучие своим идеалам и потому стараются вносить посильный вклад в создание здорового морально-психологического климата в стране. Процесс перестройки оказывает

положительное влияние на жизнь верующих, создает благоприятную атмосферу полного самовыражения" (4).

Поддержав политику перестройки с самого начала, мусульманские религиозные деятели и рядовые верующие надеялись, что предусмотренная ею демократизация всех сторон общественной жизни расширит права и свободы граждан, в том числе и свободу совести. Они ожидали коренных перемен в политике советского государства по отношению к религии и религиозным организациям.

Но перестройка государственно-церковных отношений началась не в 1985 г., а в 1988 г. Именно тогда, в апреле 1988 г., состоялась встреча М. С. Горбачева с патриархом Московским и Всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви в связи с приближающимся 1000-летием принятия христианства на Руси. Руководителем КПСС на этой встрече было заявлено, что отныне в полной мере восстанавливаются демократические принципы отношения к религии, церкви и верующим, что верующие граждане страны "имеют полное право достойно выражать свои убеждения", что "перестройка, демократизация, гласность касается и их, причем сполна, без всяких ограничений" (5).

Именно с апреля 1988 г. стали реализовываться новые подходы к государственно-церковным отношениям: началась широкая регистрация религиозных объединений верующих, стали открываться новые храмы, монастыри и духовные учебные заведения, развернулась благотворительная деятельность церкви, ранее запрещенная властями. Однако на первых порах эти перемены коснулись в основном лишь православной церкви. Массовая регистрация христианских религиозных объединений не сопровождалась адекватными действиями по отношению к последователям ислама. Должностные лица, отягощенные старыми представлениями, всячески препятствовали реализации права мусульман на свободу совести. Многие начали считать, что Русская православная церковь находится в особом положении по сравнению с другими религиями, в том числе исламом. Экстремистски настроенным служителям культа удалось направить недовольство правоверных в русло противозаконных действий: на самовольный захват старых культовых зданий, использовавшихся в хозяйственных целях, на проведение несанкционированных митингов и т.д.

Мусульманские религиозные деятели достаточно смело стали указывать на имевшие место нарушения прав верующих, на противозаконные препятствия, возводимые должностными лицами в целях искусственного ограничения деятельности религиозных организаций. Пришедший в марте 1989 г. на пост председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф решительно и смело, во всеуслышание заявил о необходимости скорейшего устранения препятствий на пути реализации мусульманами своего конституционного права на исповедание религии и отправление культа. "Большой вопрос: мало мечетей, много просьб об их открытии, - писал он уже на следующий месяц после избрания на высокий пост, - не хватает религиозной литературы, особенно Корана, книг для начального религиозного обучения. Есть большие потребности в муллах - образованных, отвечающих современным требованиям, способных отвечать на сложные вопросы" (6).

Муфтий остро ставил вопрос о беспрепятственной регистрации религиозных обществ. Несколько позже он публично выразил недоумение в связи с тем, что крайне малое число правоверных имеет возможность совершать ежегодное паломничество в Мекку, а попытки увеличить число паломников натываются на сопротивление должностных лиц. "Вообще решение этого вопроса попало в замкнутый круг. И, видимо, без вмешательства М.С. Горбачева вопрос не будет решен" (7), - говорил он.

Голос мусульман был услышан. Число религиозных объединений, зарегистрированных в 1989 г. по сравнению с 1988 г., увеличилось почти в 10 раз и составило 337 (8). В 1990 и в последующие годы этот процесс значительно ускорился. Мусульманам переданы десятки ценнейших памятников архитектуры, построены и строятся сотни новых мечетей.

В тот период, поддерживая идею приоритета общечеловеческих ценностей, религиозные деятели вместе с тем подчеркивали, что именно исламские ценности носят общечеловеческий характер. По существу в такой постановке вопроса заложена мысль о примате исламских ценностей над всеми другими. Она еще более ярко выражается в утверждении, что только распространение ислама может привести к нравственному здоровью индивида и общества в целом.

Такие утверждения покоятся на вековых стереотипах, почерпнутых из религиозных первоисточников: ислам - лучшая из религий, данная человечеству свыше, учением которой оно должно руководствоваться до скончания века. Отсюда и идея превосходства мусульман над немусульманами, которая подчас звучит в мусульманской проповеди. Было бы несправедливо делать вывод, что только мусульманские религиозные деятели придерживаются таких взглядов. Мысль о превосходстве христианства, иудаизма, ислама и т.д. над другими религиями, зафиксированная в священных текстах в той или иной форме, нередко в несколько смягченном виде проскальзывает в выступлениях даже самых широко мыслящих религиозных деятелей. "Один из учителей церкви раннего периода заметил, - говорил патриарх Московский и Всея Руси Алексей II чуть ли не в первом интервью, данном средствам массовой информации сразу же после избрания на высокий церковный пост, - что душа человеческая по природе христианка. И если бы человек следовал христианским идеалам, то душа его была бы чистой и красивой".

Едва ли такие выводы могут быть разделены последователями ислама, буддизма, иудаизма, людьми нерелигиозными.

В эти годы широкое распространение получило фундаменталистское движение в среде мусульман различных регионов, в том числе и Узбекистана, выступающее под флагом борьбы за "чистоту ислама". Движение это неоднородно. Одни его сторонники действительно стоят лишь за сохранение "чистого ислама", понимая под этим избавление мусульманской религии от несвойственных первоначальному исламу обрядов и ритуалов, отказ от взимания крупных сумм за совершение различных религиозных обрядов, изгнание из мечетей служителей культа - хапуг.

Другая часть фундаменталистов идет значительно дальше. Для нее призывы к "очищению ислама от суеверий" и отстранение корыстолюбцев от руководства религиозными организациями являются лишь способом привлечения на свою сторону массы верующих. Главная их цель в другом. Они хотели бы добиться превращения законов шариата в нормы права, обязательные для всего населения, а в конечном счете - создания исламского государства. Поставленным целям соответствуют и методы их деятельности, носящие откровенно экстремистский характер.

Эпоха гласности способствовала выходу наружу скрытой напряженности, накапливавшейся в течение длительного времени. Вместе с тем деформации общественного развития, ставшие возможными в условиях социалистического общества, негативно сказались на международных отношениях. Проявлявшиеся в течение десятилетий одностороннее развитие экономики и равнодушие к национальному своеобразию, такие преступные действия, как насильственное переселение целых народов из мест их традиционного проживания в другие регионы, необоснованные обвинения в национализме и репрессии, обрушившиеся на руководящих работников республик, представителей национальной интеллигенции, религиозных деятелей, применение административных методов борьбы с религией нанесли большой ущерб национальным чувствам народов Средней Азии, создали питательную среду для этнического и конфессионального экстремизма.

Академик В.В. Бартольд подчеркивал еще в 1914 г., что исламские лозунги используются "большей частью только как средство для достижения вполне определенных политических целей" (9). В течение ряда десятилетий внушалось, что так происходит лишь в зарубежных мусульманских странах и что в Советском Союзе подобное невозможно.

Однако события конца 80-х - начала 90-х гг. заставили по-иному посмотреть на эту проблему. Широко развернувшееся в мусульманском мире возрожденческое движение, получившее мощное ускорение в связи с исламской революцией в Иране и событиями в Афганистане, оказало

определенное воздействие на мусульман Средней Азии.

В январе 1989 г. в мечети города Маргилана один из служителей культа призывал верующих к реализации лозунга "Узбекистан только для узбеков". В феврале этого же года религиозные экстремисты устроили многочасовой митинг в Наманганской мечети Атаулла-хан с участием многих сотен верующих. В речах сменявших друг друга ораторов звучали призывы к возрождению паранджи и организации раздельного обучения в школе мальчиков и девочек, угрозы расправы над атеистами и даже лозунги джихада.

Экстремистски настроенная часть служителей культа, возбуждая верующую массу лозунгами борьбы за "чистый ислам", настраивая их против духовенства, находящегося "в услужении у атеистов", стремится отстранить от руководства религиозными организациями духовных деятелей, лояльных правительству. С этой целью в мечетях, на площадях организуются несанкционированные митинги и демонстрации, оказывается прямое давление на официальное духовенство, дело доходит до угроз физической расправы.

За короткий срок - в течение первой половины 1989 г. - экстремистам удалось добиться смещения председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, директора медресе Мир-Араб, имамов многих мечетей. Они подбивают верующих на противозаконный захват используемых государственных и общественных зданий и превращение их в молитвенные помещения для незарегистрированных религиозных объединений. Такие факты имели место в Андижанской, Наманганской, Самаркандской областях Узбекистана ([10](#)).

В Намангане экстремисты организовали демонстрацию мусульманок, требовавших открыть для них мечеть. Дело дошло до того, что эти 300 женщин хотели силой захватить для своих нужд детский сад, расположенный рядом с действующей мечетью Гумбаз. "Мечеть важнее детского сада!" - вот слова их вдохновителей... ([11](#))

Американская газета "Крисчен сайенс монитор" писала: "Эти фундаменталисты преимущественно молодые люди, вдохновляемые аналогичными движениями повсюду в мусульманском мире, выходят из рядов широкого подпольного движения неофициального ислама, чтобы начать формировать политические организации. Они проповедуют доктрину незапятнанной религиозной жизни и панисламского братства, направленного против коммунистического государства и тех, кого они считают его союзниками в корумпированной официальной мусульманской верхушке..."

Фундаменталисты призывают к возрождению дореволюционного Туркестана, то есть к объединению вновь региона, который Владимир Ленин и Иосиф Сталин поделили на Узбекистан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Казахстан.

По сведению этой же газеты, мусульманский деятель С. Шарафуддинходжаев заявил: "Сейчас у нас один военный округ и один муфтий, однако пять президентов. Президент должен быть один. Мы приверженцы ислама... Мы не принадлежим к разным национальностям".

"Фундаменталисты выступают с призывами к экономической самостоятельности и заявлениями о неприятии колониальной зависимости, которые стали сейчас стандартными даже для коммунистического руководства Средней Азии..."

Фундаменталисты особенно сильны в сельских районах Узбекистана, в плодородной, но бедной Ферганской долине, где сосредоточено большинство его населения" ([12](#)).

Анализ противоречий между различными течениями, существующими в конфессии, показывает, что в те годы многие лояльные по отношению к государству руководители зарегистрированных религиозных организаций отказывались от своей бывшей наступательной позиции в борьбе с фундаменталистами, от тактики активного изобличения своих оппонентов в нарушении канонов ислама и переходили к глухой обороне. И наоборот, экстремистски настроенные служители культа

вели наступление "по всему фронту", ставя ближайшей целью смещение руководителей исламских организаций с их постов и переориентацию этих организаций на путь конфронтации с государственными органами.

События конца 80-х - начала 90-х гг. убедительно продемонстрировали, что религиозный фактор может способствовать как процессам консолидации, так и процессам дезинтеграции, противопоставлению одних групп населения другим. Прежде всего следует сказать, что для любой религии наряду с сегрегирующей функцией, ведущей к противопоставлению последователей разных вероисповеданий, характерны интегративная и регулятивная функции, которые позволяют устанавливать связи между единоверцами, поддерживать конфессиональную общность, регулировать поведение людей. На протяжении веков эти функции использовались для обеспечения целостности общества, ослабления существующих противоречий, улаживания межэтнических и других конфликтов. Как известно из истории, мировые религии, объединяющие людей самых различных национальностей, способствовали сближению народов, взаимовлиянию и взаимообогащению их культур, сглаживанию межнациональных противоречий, а подчас даже прекращению войн между народами.

В тот период некоторые официальные религиозные деятели решительно осуждали, объявляли греховными факты использования религиозных лозунгов для противопоставления людей разных национальностей, для обострения межнациональной напряженности. В письменных и устных заявлениях, в интервью работникам средств массовой информации они призывали верующих проявлять веротерпимость, сдержанность, уважительно относиться к традициям и обычаям других народов, крепить дружбу между людьми разных наций и вероисповеданий. "Все мы - граждане Советской страны, - говорил муфтий Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф. - И у верующих, и у неверующих цели и задачи едины - скорейшее построение такого общества, где, попросту говоря, всем жилось бы хорошо и счастливо, и еще, чтобы на земле царили мир, братство и сотрудничество всех народов" (13). А муфтий Талгат Таджуддин говорил: "Я убежден: не принадлежность к какой-либо национальности для нас выше, а поступки наши, не лица и одежда - дела" (14).

Руководители мусульманских религиозных организаций призывали правоверных не поддаваться на провокационные призывы экстремистов, давать отпор тем, кто стремится усилить социальную напряженность и межнациональные конфликты, используя для этого религию (15). Председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана в интервью журналу "Наука и религия" подчеркивал, что ислам порой используется в преступных целях: "В моей программе как народного депутата одна из главных задач - добиваться установления добрых отношений между людьми, независимо от их вероисповедания и национальности, и я буду бороться против тех, кто захочет использовать ислам для разжигания межнациональной и межконфессиональной розни".

Мощный подъем национального самосознания народов и сильные тенденции религиозного возрождения выявили самые различные аспекты влияния религиозных учений, ритуалов, лозунгов на взаимоотношения между нациями, народностями, этническими группами и индивидами различных национальностей. Одновременно они продемонстрировали возможности использования религиозных мотивов для возбуждения и поддержания межнациональных конфликтов.

Любая религия имеет мощный идейный потенциал, который всегда может быть обращен во вред межнациональному согласию. Исследование межнациональных конфликтов привело психологов к выводу о том, что они обычно развиваются по определенной схеме. В сознании людей, принадлежащих к определенной этнической группе, возникает образ врага, которым наделяется другая группа людей, действительно или мнимо ущемляющая интересы первой группы. В этом образе акцентируются отрицательные черты и затушевываются положительные. В формирующийся затем симптомокомплекс включается несколько наиболее негативно воспринимаемых признаков. Противоположная группа дегуманизируется, а ее члены лишаются права даже на статус человеческих существ. Они объявляются чудовищами, зверями и т. д., мешающими данной группе жить и посему заслуживающими быть уничтоженными. Положение

усугубляется тем, что стереотип, регулирующий действия противоположной группы, развивается по такой же схеме.

Другая психологическая закономерность, выявленная в ходе изучения межэтнических конфликтов, состоит в том, что противостоящие группы не хотят видеть друг в друге будущего партнера. Обе приводят доказательства своей правоты в прошлом. Неперспективный взгляд на взаимоотношения характерен для обеих сторон (16).

Если посмотреть на вероучительные книги ислама или христианства, то можно увидеть, что их авторы очень хорошо знали психологию людей и закономерности возникновения и развития межэтнических конфликтов. Например, Коран призывает мусульман: "Не берите иудеев и христиан друзьями: они - друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них" (5:56). Священная книга мусульман провозглашает: "Да погибнет народ, который не верует" (23:46) (17).

Немало подобных положений можно найти и в вероучительных книгах других религий.

Таким образом, религия дает богатый материал для создания и закрепления в сознании людей образа врага. Она способствует усилению поисков негативных моментов в действиях противоположной стороны в прошлом. Как правильно отмечает Л.Н. Митрохин, "те или иные конфликты, имеющие вполне прозаическое земное происхождение, религия способна возводить в ранг космических, от века бытийствующих столкновений, формулировать их в обобщенном, абсолютном виде, затрудняящем какой-либо компромисс" (18).

В те годы определенные круги интеллигенции Средней Азии в поисках новой национальной идеологии видели в исламе один из существенных ее компонентов. Они же вместе со служителями культа стали инициаторами создания партий, в названии коих фигурировали исламские мотивы и которые ставили перед собой весьма далеко идущие цели, в том числе задачу исламизации различных сторон общественной жизни.

В программные документы целого ряда чисто светских общественно-политических организаций и движений также были включены исламские идеи и лозунги. Кроме прочего, эти действия лидеров организаций свидетельствовали об их стремлении использовать исламские мотивы в целях завоевания популярности среди населения, о намерении поставить интегративную функцию религии на службу сплочения под знаменами своих организаций максимального количества людей.

Национализм и религиозный экстремизм вели не только к противостоянию людей разных национальностей. Они оборачивались злейшими врагами процесса национального возрождения: ослабляли экономический и культурный потенциал республик, наносили огромный урон подготовке национальных кадров, развитию национальной культуры. Наконец, они привели даже к противопоставлению одной части нации другой (классический пример - Таджикистан). Отрицательные последствия вспышек национального и религиозного экстремизма будут еще очень долго сказываться даже после их преодоления.

Следует отметить, что игнорирование мощного мобилизационного потенциала, которым располагает религия, слабое знание социальной психологии, путей и методов формирования общественного мнения, механизмов управления им было характерно для многих руководителей различных уровней советского государства и сочеталось с приверженностью к устаревшим идеологическим стереотипам. Это привело к принятию неправильных решений в сфере государственно-церковных отношений, что крайне отрицательно сказалось на национальных взаимоотношениях.

Нарушение принципов равноправия последователей разных вероисповеданий и равенства всех религий перед законом, привилегии, предоставляемые одной религии или ее последователям, в многоконфессиональном обществе неизбежно оборачиваются ущемлением прав приверженцев

других вероисповеданий, унижением национального достоинства представителей народов, которые традиционно были связаны с этими вероисповеданиями, а это, как правило, ведет к возникновению и развитию межэтнических и межконфессиональных распрей.

Разве не могло болезненно отразиться на национальном самосознании такое, скажем, положение, когда в столице Туркменистана Ашхабаде в течение 40 лет, вплоть до 1989 г., действовали Русская православная церковь и молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, а просьба мусульман о регистрации хотя бы одного их религиозного объединения из года в год без всяких законных оснований решительно отклонялась властями? Если же последователи ислама - туркмены, узбеки, азербайджанцы, казахи, татары - пытались где-нибудь собраться для участия в богослужении, их преследовали, "рассеивали". Вполне естественно, что подобные беззакония, крайние формы несправедливости вызывали чувство национальной ущемленности, обиды, создавали питательную среду для религиозного экстремизма и национализма.

Обострению национальных обид способствовали заявления высших представителей политического руководства, русских по национальности, о полном торжестве в стране принципа свободы совести (19).

За период с 1985 по 1988 г. в стране было зарегистрировано 838 религиозных объединений Русской православной церкви, 57 религиозных объединений Грузинской православной церкви, 51 религиозное объединение Римской католической церкви, 111 религиозных объединений евангельских христиан-баптистов и только 45 религиозных объединений мусульман (20). А ведь по числу своих последователей ислам занимал второе место после русского православия и во много раз превышал остальные перечисленные выше ветви христианства вместе взятые.

Нарушение принципа свободы совести больно било по национальным чувствам людей, делало их податливыми на призывы фундаменталистов и националистически настроенных элементов, стремящихся противопоставить одни народы другим. Обострение межнациональных отношений, ставшее фактом в тот период, использование религиозных лозунгов для усиления вражды и ненависти между людьми различных национальностей побудило богословов активнее обращаться в своих выступлениях к проблеме религиозной нетерпимости. Служители культа не только констатировали ее наличие, не только фиксировали ее негативное влияние на отношения между различными народами, но и стремились освободить религию от обвинений в том, что она дает материал, способствующий разжиганию межнациональных конфликтов.

"У нас в Азербайджане живут люди разных национальностей, разных вероисповеданий, - говорил председатель Духовного управления мусульман Закавказья (ныне Азербайджана) шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде. - Бывают среди них случаи религиозной нетерпимости. Но разве этому учит религия, будь то ислам или христианство? Сама религия в основе своей милосердна: если стал человек истинно верующим, то ему чужда всякая нетерпимость - и к людям другой веры, и к людям другой национальности" (21). Как бы продолжая эту мысль, руководитель другого исламского центра подчеркивает: "Одной из главных причин обострения ныне межнациональных отношений является отступление людей от небесных учений..." (22).

В соответствии с подобными представлениями достаточно было бы укрепить позиции религии, приобщить население, особенно молодежь, к религиозным ценностям и с национализмом будет покончено. Так, например, по мнению паломника 1990 г. из Узбекистана альхаджа Зайнуddина Фахриддинова, в республике не было бы места национализму, если бы юноши и девушки "знали, что по шариату истинный мусульманин должен чтить Иисуса Христа, ибо он является одним из пророков, святейшие имена которых упомянуты в Коране" (23).

Если бы так легко можно было исключить возможность зарождения и проявления националистических настроений! И наука, и реальная действительность, увы, свидетельствуют о том, что путем углубления религиозных знаний населения проблему преодоления национализма решить нельзя. Национализм, как известно, является такой идеологией, политикой и психологией,

для которых характерны идеи национального превосходства, национальной исключительности, стремление решать те или иные проблемы своего народа за счет ущемления интересов других. Во имя получения каких-либо преимуществ для своего народа или его отдельных представителей националисты готовы пойти на попрание прав и достоинства людей других национальностей, независимо от того, с какой религией их народы исторически были связаны.

Националистические устремления больших групп людей, остро проявившиеся в те годы в Узбекистане, да и в других районах Средней Азии, были направлены далеко не только против представителей тех народов, чьей традиционной религией является христианство. Достаточно вспомнить о чрезвычайном происшествии лета 1989 г. в Ферганской области, когда произошел острейший межнациональный конфликт между узбеками и турками-месхетинцами, приведший к гибели и ранениям большого количества людей, к превращению многих тысяч женщин, стариков и детей в беженцев. То, что традиционной религией обоих народов является ислам, не остановило враждующие стороны, более того, религиозные мотивы были использованы национал-экстремистами для обострения и усиления раздоров. То же самое можно сказать о кровопролитных межнациональных столкновениях в Ошской области в Киргизии летом 1990 г., также круто замешанных на националистических предрассудках. Участниками событий с обеих сторон были представители народов, исторически связанных с одной и той же религией - исламом суннитского толка.

Таким образом, конец 80-х и начало 90-х гг. характеризуется небывалой после первой половины 20-х гг. активностью мусульманских религиозных организаций. Речь может идти даже о начавшемся процессе религиозного возрождения. Есть все основания полагать, что в ближайшее десятилетие этот процесс будет усиливаться.

Во-первых, расширение принципов демократии в государствах Центральной Азии привело к расширению прав личности, снятию всех барьеров на пути реализации полной свободы вероисповедания граждан, появлению практически неограниченного простора для разносторонней, в том числе производственной, миссионерской деятельности религиозных организаций, созданию режима наибольшего благоприятствования для реализации возможностей зарубежных религиозных центров по оказанию разнообразной помощи в усилении влияния религиозных организаций на различные слои населения (включая предоставление огромного количества религиозной литературы, аудио-визуальных средств, типографского оборудования, медицинской техники и препаратов, передовой технологии и т.д. и т.п.).

Во-вторых, продолжающийся бурный рост национального самосознания народов Центральной Азии сопровождается активным обращением многих граждан к истории, древним традициям, к ценностям ислама, с которым эти народы были связаны в течение многих столетий и который массовым сознанием воспринимается как национальная культура.

В-третьих, переход к рыночным отношениям и связанные с ним приватизация и развитие частного предпринимательства, наряду с улучшением положения в народном хозяйстве, привели к расслоению и поляризации общества, росту зависимости производителей и потребителей от стихии рынка, ослаблению социальной защищенности граждан, развитию конкурентной борьбы и связанной с ней опасностью банкротства; стали явными перспективы перехода мелких производителей в ряды безработных. Все это вместе взятое активизирует религиозные искания у части людей. В основных регионах распространения ислама, где и сейчас остро ощущается избыток трудовых ресурсов, неразвитой остается социальная и культурная инфраструктура, негативные стороны перехода к рыночным отношениям сказываются особенно сильно, стимулируя веру в религиозность.

В-четвертых, переход к многопартийности, включение в борьбу за политическое лидерство в обществе различных общественно-политических движений и связанное с этим стремление заполучить поддержку религиозных организаций и служителей культа ведет к усилению

социальной активности духовенства, повышению его авторитета в массовом сознании, способствует росту привлекательности религиозных ценностей. Предпринимаемые в разных регионах попытки создания исламских партий также будут способствовать развитию этого процесса.

В-пятых, обострение межнациональных отношений ведет к усилению влияния религии на различные группы населения. С одной стороны, руководители противоборствующих сил активно берут на вооружение религиозные лозунги для сплочения своих приверженцев в борьбе против "инородцев", в религиозных текстах ищут аргументы для усиления "образа врага", каковым и наделяется соседний народ. С другой стороны, силы, выступающие за скорейшее примирение сторон, за прекращение и предотвращение межнациональных распрей также стремятся в максимальной степени использовать возможности религиозных организаций, нравственный потенциал религии в интересах восстановления и упрочения мира.

Наконец, в-шестых, прогрессирующее падение доверия к государству, пока неспособному решить многие насущные проблемы жизнеобеспечения, а подчас и защиты своих граждан от насилия, побуждает многих людей к религиозным организациям, в них искать защиту и поддержку, надежду на будущее.

На наш взгляд, курс на жесткую национальную и государственную изоляцию, политику "закрытых дверей" и неприступных границ, не допускающую ничего инонационального, не только абсурден, несостоятелен, но просто экономически невыгоден, если вообще практически осуществим. В современных условиях национальный прогресс возможен только за счет максимального усиления и расширения самых разнообразных внешних контактов, взаимосвязей, взаимовосприятия нового, передового. Но при этом, разумеется, межнациональные и межгосударственные отношения должны быть равноправными, добровольными, строиться на честной, демократической и взаимовыгодной основе.

Сама жизнь, если следовать объективному ходу ее развития, не позволит искусственно ограждать людей узконациональной средой, ограничивать влияние на них внешних факторов, интеграционных процессов. Тем более их воздействие на представителей национальных общностей и конфессий не является препятствием многоликому проявлению этнического и конфессионального своеобразия.

-
1. Этим периодом мы и ограничимся в рамках нашей статьи.
 2. Ислам в истории народов Востока. М.: Наука, 1981. С. 4.
 3. Ионова А. Ислам в СССР: поиск новых подходов к научному анализу // Идеологическая работа: проблемы, поиски, опыт. М., 1990. № 1. С. 21.
 4. Муфтий Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф. Ислам - и вера, и образ жизни // Звезда Востока. 1989. № 9. С. 140.
 5. См.: Правда. 1988. 30 апреля.
 6. См.: Московские новости. 1989. № 15. С. 8.
 7. См.: Огонек. 1990. № 8. С. 13.
 8. Идеологическая работа: проблемы, поиски, опыт. М., 1990. № 1. С. 49.
 9. Бартольд В. Панисламизм // Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 402.
 10. См.: Правда Востока. 1989. 20 мая.
 11. См.: Наука и религия. 1989. № 11. С. 20.
 12. См.: Религия в современном мире // Информационный бюллетень по материалам зарубежных средств массовой информации. М., 1991. № 6. С. 26-27.
 13. См.: Звезда Востока. 1989. № 12. С. 141.
 14. См.: Наука и религия. 1990. № 1. С. 6.
 15. См.: Ислам нури (Луч ислама). 1990. № 2.
 16. См.: Шихирев П. Психологические факторы в межнациональных отношениях // Через перестройку - к новому облику социализма: теоретические и методологические проблемы общественных наук. М., 1989. С. 327-328.
 17. См.: Коран. Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. М.: Изд. восточной литературы, 1963.

18. Митрохин Л. Религия и нация // Наука и религия. 1989. No. 3. С. 3.
19. См.: Коммунист. 1986. No. 15. С. 18.
20. См.: Наука и религия. 1990. No. 1. С. 2.
21. См.: Наука и религия. 1989. No. 9. С. 15.
22. Муфтий Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф. Ислам - и вера, и образ жизни // Звезда Востока. 1989. No. 9. С. 142.
23. Фахриддинов З. Как я в Мекку ходил // Комсомольская правда. 1990. 27 июля.